

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 9

февраль 2017

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

***

От февральской лазури
до капели – лишь шаг!
На тропинках уже солнца поступь
видна.

Брат меньшей января ей не хочет
мешать,
Этой женщине светлой, чьё имя –
весна!

Пусть морозно в тени, пусть от ветра
– озноб,
Это мелкий пустяк, он решается враз:
Скоро шапку – долой, словно с бани –
в сугроб,
Словно бросило в жар от тепла её глаз.

Вётлы иная тюль обронули, а жаль! –
Так приятен хрустальных иголок ажур.
Если зябко кому – не ругайте февраль,
Он – хорош! Я из дома опять выхожу!

Скоро шапку – долой, а пока воротник
Подниму: ветер за спину влезть норовит.
То ли слышен уже птиц ликующий
крик,
То ль повозка зимы уходящей скрипит.

*Сергей Воробьёв
г. Тверь*

***

Распоясался февраль,
Мечет вихри из-за пазух.
Ну давай, дружок, скандаль.
Сыпь по моему заказу.

В твой разбойный свист и вой
Крик свой первый я влетала.
Позже плакала с тобой
На перронах и вокзалах.

И неслись сквозь февраль
Годы, горести, удачи.
Где хоромы? Где рубли?
Не коплю, живу – и трачу.

Пой, бунтуй, вздымай пургу –
И седой мне слушать любо.
На метельном берегу
Домик мой укрой под дубом.

*Маргарита Петрова
г. Андреаполь*

Фото С. Глоинной

ТАТЬЯНИН ВЕЧЕР В ТВЕРИ

26 января в тверском музее имени М. Е. Салтыкова-Щедрина прошёл музыкально-поэтический вечер, посвященный отмечаемому накануне Татьянинному дню. Его инициатором и ведущим была Татьяна Михайлова, уже знакомая читателям «Западного форпоста». Приятно отметить, что «форпостовцы» получили приглашение на это нерядовое культурное событие, а в программе вечера нашлось место для презентации нашей газеты тверским читателям и авторам. Честь представить издание на областном уровне выпала редактору Игорю Столярову.

В уютном небольшом зале музея собрались как творческие люди, так и ценители искусства. А среди присутствовавших дам оказалось несколько Татьян, поскольку этот вечер был задуман как подарок именно для них. И надо сказать, что он удался на славу.

Представляя выступающих, хозяйка вечера сумела найти добрые слова о каждом из них. Гости с удовольствием смотрели и слушали выступления представителей музыкального училища имени М.П. Мусоргского и ансамбля «Элегия». И, конечно, звучали искренние поздравления и живые стихи. Их прочли сама ведущая, представители ЛИТО «Расветная звонница» Любовь Старшинова, Ольга Кочнова, Анна Логвиненко, другие авторы. Затем Татьяной Михайловой и Игорем Столяровым была представлена литературная газета «Западный форпост». Оказалось, что она вызывает интерес и уже обрела некоторую известность в областном центре. Хочется надеять-

ся, что круг наших авторов и читателей будет расширяться. Кроме того, Игорь вкратце представил публике свой третий авторский сборник стихов «Чипованный век», прочёл несколько стихов и вручил ведущей экземпляр книги. Ответным подарком стало иллюстрированное издание журнала «Тверская старина», целиком посвящённое А.С. Пушкину.

Затем продолжились поздравления, музыка и стихи. Были также весьма познавательный рассказ-презентация и литературная викторина. А завершился этот праздничный январский вечер в музее непринуждённым общением гостей за чашкой горячего чая.

Хочется поблагодарить Татьяну Михайлову за возможность выступления в этом историческом месте в столь знаменательный день и пожелать новых творческих успехов и ярких событий.

Елена Корлюкова*п. Новозавидовский,
Конаковский район*

Елена Корлюкова родилась в Андреевском районе. Она – родная сестра известного в наших краях автора-исполнителя Евгения Фёдорова. Ныне живёт в посёлке Новозавидовский Конаковского района. Стихи Елена начала писать совсем недавно, после потери мужа. Сегодня мы представляем их на ваш суд.

***

А у меня рождаются стихи!
Они рождаются, как будто дети.
Воздушны, удивительно легки.
И кажется, что я за них в ответе.
За окнами такой колючий ветер.
Прозрачной осени неброские штрихи.
И ничего, что ты мне не ответил.
Ведь у меня рождаются стихи!
В душе печаль – как терпкие духи
Она иссякнет, словно лучик света.
А у меня рождаются стихи.
И я тебя благодарю за это!

***

Уже зима – какая странность.
Безбрежность, мгла.
Другая данность.
И не случайность, не случайность,
Что всё закончилось зимой.

И предрешённая фатальность.
Другая я, и ты другой.

***

С пожелтевшей листвой
Ветер обнимается,
И с моей простой судьбой
Будто бы венчается.
Я не спорю, я не спорю,
Соглашаюсь радостно,

Окунаюсь в листьев море
В упоении сладостном.

Распахну я свою душу
В трепетном полёте.
Дождь стучит по звонким лужам
На минорной ноте.

Мы давным-давно в друзьях
С этой погодой.
И нисколько не стыдятся,
Праздную свободу я!

***

Хочу тебя хотя бы слышать,
Твой голос – сладкий и густой.
Но ты молчишь, стихов не пишешь.
И гулко в комнате пустой.
Безумство чувств, всё перемешку.
Разорвана на лоскуты!
И мне, как будто бы в насмешку,
Зачем судьбою послан ты?
И сердце ничего не просит
Не зная, что там – впереди.
А с клёнов опадает осень
Я справлюсь с этим – погоди!

***

Дразнящий прятный вечер.
Чего-то сердцу жаль.
Накину я на плечи
Сиреневую шаль.
Вдохну я запах луга,
В полях сорву цветы.
Меня до полусумрака
Не потревожишь ты.
И всё растает облаком,
И облетит, как сад.
Закат зардеет всполохом.
И нет пути назад!

***

Сухие листья шелестят в ногах.
Мне нравится их шёпот слушать.
Люби меня в своих стихах –
Мою печаль, лишения и душу.
И имя ты моё шепчи,
Шепчи в бреду стихотворений
При свете меркнувшей свечи.
В дыму творенья и сомнений –
Восторги, вздохи, наслажденье,
В моих объятьях опьяней!
Пусть буду я, как наваждение
Заблудшей памяти твоей!

Ожидание

Ожидание живёт в моём доме.
Не поверят – рассказать бы кому.
Я делю с ним пополам свою грусть.
Шепчет мне: «Не позвонил, ну и пусть».
Оно выглянет с надеждой в окно.
И со мною заодно. Заодно!
Не томит оно нисколько меня,
Коротаем мы с ним день ото дня.
С ним как будто бы немного теплей,
И не кажется разлука длинней.
Я так тихо благодарна ему,
Что живёт со мной в печальном доме.

***

С грустью я тебе внимала,
Не нарушив твой покой.
Ты то думал - я не знала
То, что ты совсем не мой?
Знала с самого начала,
Как всё будет. Наперёд.
Предсказуемо печален
Для меня был твой уход.
Нет же, я не обольстилась,
Как подумал было ты,
Я заранее простилась,
Стёрла в пыль твои черты.

***

Моей души не переделать:
Она печально сложена –
Так несговорчива в потерях,
В невзгодах выжжена до дна.
И, несмотря на времена,
Глухие, адом опалённые,
Она доверчиво больна
Мечтой, несмело окрылённой.
Она полна, в ней есть святое,
И всё-таки чего-то нет.
Моей душе не знать покоя
Повелено. На много лет.
И много зим стеречь волнение
Ей суждено под знаком звёзд,
Пролить стихами вдохновенье
Строкой, затронувшей до слёз.
И этот трепет не растает,
Как вечный, чистый горный снег.
Я знаю – приговорена я.
Намного. Надолго. Навек.

***

Сонное зимы начало –
Необычный вернисаж.
Величавое молчанье,
Обрамлённое в пейзаж.
Потонули в белом снеге –
Краски смазала зима –
Завертелись в снежном беге
Сосны, улицы, дома.
Снег всё сыплет и не тает,
Властью, данною зимой.
Из чего ж произрастает
Эта замять кутерьмой?
Дым, трубою источаем,
Розовато-голубой.
Заворожена молчаньем.
Околдована зимой!

***

Какой пленительный покой!
И всё так просто и нехитро.
В лесу осеннюю порой
Такая яркая палитра!
Немею в этой тишине
Под мягкой осени забвеньем,
И рифмы лёгкие ко мне
Плывут на крыльях вдохновенья.
Пьяняще пахнут травостой,
В канаве шепчут лопухи.
Мне душу нежно успокоят
Мои нескладные стихи.

Конфуз

Застенчивая Женя в общественных местах предпочитала бывать в компании. Под прикрытием и в тени своих подруг чувствовала себя свободнее и раскованнее. Но после занятий в институте как-то так получалось, что все разбежались в разные стороны, и девушка шла обедать в городскую столовую в одиночестве. «Возьму борщ, на второе – мясо, – глотая слюнки, думала Женька, – и компот!».

К счастью, нашёлся свободный столик, и никто не мешал Евгении наслаждаться едой. Однако когда дело дошло до второго блюда, к ней подсел красивый молодой человек. Темноволосый, с карими весёлыми глазами... Всё это девушка отметила из-под опущенных ресниц, мимолётно; виду не подала, но внутренне поёжилась. От смущения подцепила на вилку изрядный кусок мяса и отправила его в рот. И тут же с ужасом поняла, что не в состоянии сжевать жёсткую, как подошва, «субстанцию». Попробовала языком повернуть кусок поудобнее, но он – ни с места. Чувствуя, как наливаются жаром её щёки и уши, Женька лихорадочно соображала, что делать: выплюнуть мясо назад в тарелку и тем самым окончательно скомпрометировать себя перед красавцем, или... или? Умереть на месте от стыда!? Вконец растерявшись, бедняжка сидела с плотно закрытым ртом, уставившись в свою тарелку, но, казалось, кожей чувствовала, как молодой человек

едва сдерживает смех.

«Будь со мной Надя или Ирка, – причитала про себя Евгения, – разве случилось бы со мной такое!? Вот возьму и выплуну! нет, буду ждать, пока он не отобедает... нет! встану и уйду!» – Дискутировала сама с собой Женька и продолжала сидеть со злосчастным куском во рту.

И вдруг её взгляд упал на содержимое тарелки визави: молодой человек, оказывается, тоже взял себе мясное блюдо. Вот он отправил в рот отнюдь не маленький кусочек и... застыл, будто прислушиваясь к чему-то непонятно-потаённому. Женька вскинула свои серые глаза и наткнулась на его взгляд. Черноокий красавец смотрел

Светлана Виноградова

г. Нелидово

на неё, и в глубине зрачков уже плясали весёлые чёртики. А через секунду Евгения и смутивший скромницу незнакомец безудержно смеялись. Стеснение и неловкость испарились без следа. Не сговариваясь, оба вернули неподатливое яство на свои тарелки; потом, понимая переглядываясь, запили неудачный обед компотом.

Нет-нет, столь «романтическое» приключение отнюдь не стало началом большой и горячей любви. Но воспоминание о нём ещё долго радовало и смешило Женьку.

Геннадий Проваторов родился в 1957 году в семье музыкантов. Окончил Московскую среднюю художественную школу им. Сурикова при Академии художеств, учился в Московском высшем художественно-промышленном училище (бывшая Строгановка) по специальности художник-монументалист. Среди многочисленных портретов его работы известен цикл «Одинокие» (старички, разрушающиеся дома), моделями для которого были жители и деревни Селезёнкино Нелидовского района. Здесь художник приобрёл дом и создавал общедоступную галерею портретов. Но в морозном феврале 2012 года Геннадий Проваторов не дошёл до дома нескольких метров по неосвещённой дороге.

Мастер

Г. Проваторову посвящается

Художник работает пристально,
точно.
Под лупой ложатся мазок за мазком.
Надутая тётка с характером склочным
Пред ним восседает, качая носком.

Художник модель переносит отсюда
Туда, где моложе отныне не стать,
Где есть настроение, воля и – чудо? –
Характер непакошный, лёгкая стать,

Задумчивость, спелое женское лето
И зрелых сомнений открытый родник.
И в паре сеансов под дым сигареты
Художник – психолог, рентген,
духовник.

Татьяна Михайлова,
г. Тверь

Древо русского фольклора

Алексей Андреевич Петров – старший преподаватель кафедры истории русской литературы филофака ТвГУ, заместитель декана факультета. Родился он в Торопце. Возможно, поэтому так близко принимает к сердцу краеведческую работу земляков. Он постоянный участник краеведческих конференций, проходящих в Андреапольском музее. Не только сам выступает с содержательными докладами, но и привозит группу докладчиков-студентов университета.

Он – один из редакторов и составителей книги, которую вам и представляем.

Сборник «Традиционная культура тверского края» (Выпуск №6) издан Тверским университетом. Он посвящен сразу двум юбилейным датам: 50-летию краеведа С. В. Морякова (Ржев) и 75-летию известного пеновского краеведа И. И. Смирнова (1940-1998).

1. «МАКРИДА»

У нашего переволоцкого мужика Егора Макридина, которого раскулачили и сослали в Сибирь, была мать Макрида, удивительной красоты. Еще в девках Макрида работала на барина и ходила в Ворошилове к купцу Линину - носила ягоды для варенья. Девка была гордая, и никому не давала подступиться. И вдруг приехал из Весегонска купец Фодя, Фадей, наверное, звали, по-простому Фодя. Приехал купец, и глянулась ему девка. Давай он предлагать нашему барину: мол, совсатаем девку за мово сына. А не сказал, что сын-то яво нявдалый какой-то. Разговор был короткий: посадили Макриду на воз и повезли. Где наша Переволока, где твой Весегонск? Ну, ланно. Привязали эту Макриду, ввяли на второй этаж, в купеческий дом. По горнице ходит, ну что девка из глухой деревни приехала, хоть какой-никакой, а всё ж город, и боится она всяво: и свисту, и хлысту. Горничная говорит утром на второй день: – Посмотри, девонька, твой жених по двору идет.

Аи, как взглянула на него попретного – нос крючком, как всё равно в орла, и горб во всю спину. Она сразу и обмярла, – грим на пол и не поршшит вроде. Горничная насилу откачала... Плакала две ночи. Ну, пока еще у ней не было с ним встречи ни разговору никакого. Барская воля не закон, а как под венец встанешь, тут уж всё – пропала. И вот эта самая горничная пожалела девку, вывела ее и помогла бежать. Макрида, блудивши по лесам, испотала три пары лаптей, пятки были в ей с собой ввязши. Ночавала, – где придется, кормилась Христовым именем. Где-то на погосте ночевала в сторожке, батюшка ее пустил, чуть живехонькая, голонная.

– Дочушка, не бойся, иди домой. Вчера

РАССКАЗЫ И. И. СМИРНОВА В ЗАПИСИ С. В. МОРЯКОВА

Подготовка текстов Л. М. Концедайло, А. А. Петров

по всем церквкам «читали волю», иди без боязни, м – объяснил священник.

Какой-то добрый человек в погосте Дубна, как она сюда перешла к Андреаполю, дал ей хлеба и показал дорогу к родному погосту Отолово. Ишедши через Большой Мох, чуть не утопла в трясине – как спяшила к родному поселю. Пришла в Переволоку чуть живая.

Много позже уж вышла замуж и вот этого Егора-то и родила. Вырастила десять внуков. Когда ссылали, страхота, на всю деревню детский рев стоял... И вот недавно пришло письмо от ее внучки, старая тож, годы. Пишет: «Миленькие мои, дорогие жители Периловки, поздравляю вас с праздником вашим новомодным - пятисотлетием деревни, что Ванюшка¹ собрал вас всех вместе. Как мне хочется приехать поклониться родному пепелищу, могилам, но ноженьки отказывают...»

2. «ШАМАНСКАЯ ДАЧА»

В году 1893 приехал в Ворошилове к купцу Линину графский сын Шаманский из Москвы. Как звать-величать его, старики уж не помнили... Въезжал в деревню на тройке. Встречали торжественно – хлебом-солью.

Граф был молод и красив как «рыбий зуб»: в белом костюме, с аглицкой двустоловкой. Как открыли деревенские ворота, что стояли в начале села с чудной резьбой и поющим петухом, графский сын давай раскидывать по сторонам кульки с конфетами. Ребятишки в драку – а он смеется.

«Один большой кулек упал прямо в

лужу, я был поздоровее, – вспоминал дед Лука, – упал сразу на кулек, а на меня еще человек восемь. Как навалились, аж вода через спину пошла, а граф в тарантасе смеется взаходы. От кулька ничего не осталось, всё смешалось с грязью».

Целью приезда графского сына было – поохотиться на медведя. Выбрали Место близ деревень Осечно и Чигириново, Масловотож. Охраняли графа два мужика – Силка и Пахом, с рогатинами. Графский сын отстранил их, как увидел зверя, мол, я сам с медведем справлюсь. Не успели мужики опомниться, как медведь подмял его под себя. Ружье графское, как вспоминали мужики, медведь взял в лапы и разбил об пень. Силку и Пахома сослали в Сибирь на каторжные работы, а место, где охотился граф, по сей день зовется «Шаманская дача», а сенокос – «где медведь графа сломал».

3. «ЧЕСТЬ ВЫШЕ ВСЕГО»

С девяти лет проговорил меня тятка барину пасть коров. Пасли вдвоем с Филатом из Осечна. Коров было сорок пять голов да полсотни породистых овец. Поили на Большой пожне, где был устроен пруд, а теперь осталось одно название «Барская прудка».

Жили трудно, за кусок хлеба терпели унижения особенно те, у кого семьи большие были. С четырнадцати лет взял меня барин в Осташков в трактир мальчиком на побегушках да еще «мороженое вертеть». Я очень старался работать по чести и совести. Один раз барин дал мне денег и послал к другому лавочнику за рыбой под названием «минога». Рыба эта, словно змея...

Прихожу я в лавку, помню, находилась она у самого Селигера, дал лавочнику деньги, он взвесил мне рыбу, и я пошел... Прихожу, отдаю рыбу, барин был в это время в кухне, он развернул рыбу и заругался:

– Что ты мне принес? Разве это рыба? Это воши!

И давай меня по морде рыбой тыкать. Я слезно заплакал.

– Иди сызнова к лавочнику, – закричал барин, – я знаю, у него есть рыба-крупная, а он мне одних вошей наклал.

И отправился я обратно в лавку, прихожу и плачу. Лавочник погладил меня по голове, узнав в чём дело, взял пергаментную бумагу, аккуратно положил рыбу, да всё крупную, а деньги, что барин добавил, разделил со мной поровну. Прихожу я к барскому дому (сейчас в нем райвоенкомат города Осташкова), ноги трясутся и руки. Барин встретил меня у порога. Развернув пакетик, он сказал:

– Вот это рыба! Я знал, что у него есть крупная.

С семнадцати лет, а было это в 1893 г., барин меня повысил в должности: я стал возить товар из Осташкова в Ворошилово. Помню как сейчас, дело было осенью, после Покрова. Три воза везли мы товара. Приехали поздно, разгрузили товар на склад, коней поставили во двор. Барыня, Мария Александровна, закрывала лавку, дала мне на чай. Не посмотрев на деньги, я отправился домой в Переволоку. Прихожу домой, мамаша моя, Анна, была уж старенькая, видела плохо, получив от меня чаевые и посмотрев на деньги, говорит:

– Сынок, вот эта денга какая-то ненашенская?

Я смотрю, а на ладони у матери среди прочих монет пятирублевой золотой. Расстроился я, – барыня для испытания в честности дала мне золото. Ночью спал плохо. Утром чуть светок отправился в усадьбу. Прихожу в лавку, а барыня раскладывает товар на полки.

– Барыня, прибыльно торговать!

– Спасибо, Лукашка.

– Барыня, сколько Вы дали мне вчера «на чай»?

Вдруг барыню словно краской покрасили.

– А что, Лукашка, маловато?

Я показываю ей монеты, – эта не нужна, – и отдаю ей пять рублей золотом. В это время, словно по договоренности, вваливается в лавку барин Николай Александрович. Барыня часто-часто заговорила, мол, братец мой, вчера я стопилась и второпях

передала Луке пять рублей золотом, а он их мне возвратил. Барин помолчал и говорит:

– Вот, моя сестрица, какие честные у меня работники! Дай-ка с полки сукна и отмерь Луке на пальто, а сошьешь пальто за мой счет! Да его мамаше подарок – турецкий шерстяной платок. Это за честность!

Как на душе светло и легко на сердце стало! Ведь честь – она дороже всего и во все времена должна оставаться в почете.

4. «КОРОВИЙ ПРАЗДНИК»

Уходят времена. Много мы растеряли – остались одни отголоски. Как справляли раньше праздники! Помню, был еще *небольшевенький*, на самую Троицу, когда венчали коров², взял меня дед в подпаски.

– Дятенак мой, хошь завтри со мной погонимся в поле, завтри коровий праздник! – многозначительно произнес старик.

Еще с вечера дед Сенька был изрядно *ланувиши*, пьяненький. Пригнались мы в лес. Дед улегся *гли*³ камня, ляжить насадивши, что ж такой, а я плачу:

– Дед вставай, ни одной коровы нету. Что теперь делать?

– Не расстраивайся, мой дятенак, щас наши девки явютца. А ты давай ломай березви, будем плести венки нашим девкам.

Как вышел он на поляну, достал из торбы трубочку, что-то покрутил и заиграл: дыр-ды, дыр-ды. Слышится: «Девки, домой, девки, домой». Как пробубнил это он, гляжу, – коровы все выплывают из леса. Все вышли, и овцы вышли все до основания. На каждую корову хозяйскую надели мы по венку и погнали скот в деревню. У околицы стояли разодетые бабы, встречали стадо, не простой день – «Коровий праздник». Коровы тихо вплывали на деревенскую улицу. Как щас помню, каждая хозяйка одаривала нас с дедом яйцами, печевом, а кто и рюмку подносили деду. Которая корова не далась, той хозяйке с руки вручали венки и она сама одевала его на роги своей кормилице.

Помню, мамаша взяла венки, положила на подойник и через него стала доить, ну прям прелесть! И мы этот венок вешали во дворе и хранили до следующего Духова дня. После его сжигали на своей полосе. В этот день собирались вскладчину, в деревне гуляли. Вот был обычай какой хороший! Корове справляли праздник, и никто не напивался. А теперь что? Одно мать-перемать, и, Боже мой, уходит время, что будет после нас?

3 Здесь и далее: диалектн., в значении «у», «около». – Прим. ред.

***

Пошла наша Дуня
В гости на морковку.
Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.
Принесла Дуняша
Три пуда кудели.
Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.
Пряла, ткала Дуня,
Потоньше полена,
Потолще оглобли.
Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.
В изгороду ткала,
Кольев потыкала.
Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.
Челнок уронила,
Пять баб задавила.
Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.
Пошла наша Дуня
В гости на морковку.
Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.

***

Раз Ерема в кабаке
Водки нализался
И с бутылкою в руке
К дому пробирался.
Вот идет дорогой он,
Песню напевая,
Сам с собою речь ведет,
Водку нахваляя.
«Вот так выпил ничего,
Загулял на славу!»
И Ерёма тут упал
В грязную канаву.
По дороге тем селом
И свинья ходила
И над пьяным мужиком
Ловко подшутила.
Подошла она к нему
И в грязи порылась,
И к Ереме как жена
К боку привалилась.
Спит наш бедный Еремей,
Спит и в ус не дует,
А свинью вместо жены
В пятачок целует.
А Еремина жена
Очень суетилась,
Как состряпала она,
В розыски пустилась.
Вот бежит она селом,
Мужика искавши,
А лежит ённый муж,
Со свиньей обнявша.
Тут Еремина жена
Сразу догадалась,
Палку новую взяла
И к свинье подкралась.
Палок сорок так она
Той свинье вкатила,
Чтоб уж больше та свинья
Мужа не любила.

(Традиционная культура пеновского края
в записях И. И. Смирнова)

2 Обряд венчания коров характерен для западных районов Тверской области. Более подробно см. Дубинина А. А. Обряд венчания коров в псковско-тверском пограничье // Страницы музыкальной истории Верхневолжья: По материалам музыкально-краеведческих чтений 2002-2006

ПЯТКА

продолжение

– Бабушка, ну какой чай! Говорю же, некогда! – возмущенно сказала Саша. – И вообще, что за бардак у тебя?

– Какой бардак, внученька? Я прибираю все за собой.

– Прибирает она, – фыркнула Саша. – Весь стол в крошках. Не видишь, что ли?

Крайнову стало не по себе. Он увидел, как бабушка сморщенной ладошкой стала водить по столу. Потом виновато сказала: «Сашенька, не вижу крошек». Крайнов понял, что бабушка почти не видит.

– А я очень хочу чаю! – веселым голосом сказал Никита. – Бабуля, можно я сам поставлю чайник?

– Конечно, миленький. – обрадовалась бабушка.

Саша удивленно посмотрела на Крайнова, но промолчала. Чай пили долго. С настоящим кусковым сахаром, с клубничным вареньем и карамельками. И на столе не было никаких крошек.

А потом Саша бросила его. Да, так и сказала: «Я тебя бросаю. Что ты сможешь мне дать? Ничего. Картины вряд ли будут хорошо продаваться. А жить мы на что будем? Поэтому я уйду к человеку, у которого свой бизнес».

Крайнов думал, что умрёт. Но не умер. Он просто вылезился. Болел-болел и стал здоров.

Позже он нарисует картину. На ней будут изображены незабудки. Сорванные и брошенные в грязь. И раздавленные женской туфелькой. Острый каблук раздавил хрупкие стебельки. И незабудки плакали. Это была первая картина, которую у него купили.

– Это шедевр! – повторял Алексей Семёнович и целовал Крайнова в щёку.

Где же та грань? Грань между любовью и страстью? Между нежеланием жить без своей второй половины и НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ жить без неё. Крайнов думал, что не может дышать без Саши. А оказалось, что он просто болел этой девушкой.

– Ниик, – Крайнов вздрогнул. Когда-то он терпеть не мог, если его так называли. Мама звала Никитушкой, друзья только Никитой, Элька – малышом. А сейчас, услышав: «Ниик», он готов бежать на этот зов хоть на край света.

– Ник, – Анна обхватила ладонями лицо Крайнова и внимательно посмотрела в глаза. – Всё хорошо?

– Да, Анечка, всё хорошо. Поехали скорее, иначе нам влетит от Лены с Феликсом.

Я давно не была у Ленки в деревне. Домик, который тётя оставила Ленке, был старенький, но «живой». Вот есть такие дома, вроде бы всё хорошо в них. Добротные стены, высокие потолки, крепкие оконные рамы. Но нет в них «жилого духа». Ленка так и говорит: «Неживой этот дом». Лен-

кин был «живой». Мы приезжали зимой. Растапливали печки. Грели воду, намывали чашки и стаканы и пили потом чай. В непрогретом воздухе был виден пар, который исходил от горячего самовара. Трещали дрова, покряхтывали подушки, которые мы горой накладывали на русскую печку. Окна начинали отпотевать, и так нам с Ленкой было хорошо!!! Без телевизора, без Интернета. Иногда мы болтали всю ночь и засыпали только под утро. Дом за ночь прогревался, от печек исходило ровное, обволакивающее тепло. Ленка прижималась ко мне и бормотала: «Вот буду старенькой, уеду сюда жить и заведу себе чёрную кошку».

– Почему чёрную? – спрашивала я.

Но Ленка уже сопела над ухом. Я осторожно вылезала из-под Ленкиной руки, надевала старые валенки, накидывала на плечи пуховый платок и шла к окошку. За окном была деревенская жизнь. Где-то лаяли собаки, в темноте слышался стук топора. Над домами прямо в звёздное небо уходили клубы дыма. Все топили печки. И было такое впечатление, что вот это и есть настоящая жизнь. А город... А что город? Там тоже настоящая жизнь. Только совсем другая.

Город закончился. Феликс уже открывал ворота.

– Ну, неужели??? Мы думали, что вы не приедете!!! – кричал Феликс.

На крыльцо выбежала Ленка. Она стала ещё красивее. Совсем пропала угловатость, ершистость моей подруги.

– Анька!!! – завизжала Ленка и бросилась мне на шею. Мы закужились и чуть не упали. Никита подхватил нас.

– Девчонки, осторожнее, – засмеялся он.

– Леночка, – вдруг завопил Феликс.

– Тебе осторожнее надо быть. Тебе беречь себя надо.

Ленкины щеки вспыхнули алым румянцем.

Я недоуменно посмотрела на подругу. Та схватила меня за руку и потащила в дом.

– Анька, Анечка! Что я тебе скажу!!!

Ленка остановилась, перевела дыхание, а потом выпалила.

– У нас маленький будет!

– Что? – я не поверила своим ушам. – У вас будет ребёнок?

– Да, – Ленка вдруг засмузилась, потом шмыгнула носом.

Я испугалась, что она заплачет. Быстро обняла её и прошептала.

– Это же здорово! Ленка, это так здорово!!!!

Ленка ещё разок шмыгнула носом и снова потащила меня.

– Смотри! – она ткнула меня носом в окошко.

– Что? Ничего не вижу.

– Как? Неужели ты не видишь, что исчезло «гнездо орла»?

«Гнездом» мы с подругой называли деревенский туалет. Малосенький, кособокый домик, в который страшно было даже заходить, а не то что... ээм...

– И правдааа... – протянула я удивленно. – И куда ж вы ходите, так сказать, по нужде?

– Пошли!

Ольга Алексеева

г. Нелидово

Я помчалась за Ленкой. Она торжественно распахнула дверь чулана. Теперь уже бывшего чулана. Я увидела белоснежный унитаз, душевую кабину и стиральную машину.

– Это все Феликс, – гордо сказала подруга.

– Да я уже поняла.

– Ох, Анька, как же мне хорошо с ним, – Ленка закрыла глаза. Потом, словно спохватившись, спросила: – А ты как? У тебя все хорошо?

– У меня? – я задумалась. – Ленка, у меня всё замечательно!!!!

– А помнишь, как мы с тобой мечтали, что вот выйдем замуж, будем привозить сюда, в деревню, детишек. Мечты сбываются?

Я снова обняла подругу. Да, мечты сбываются.

В деревне мы «зависли» на три дня. Мужчины парились в бане, жарили шашлыки. Мы с Никитой пытались спать на печке, но от жары сползали оттуда через полчаса. Стол ломился от еды. Но на третий день есть мы уже не могли. Феликс притащил откуда-то целое ведро домашнего кваса.

– Ааа, – Ленка махнула рукой. – Ему постоянно что-то дают. То молока, то яиц, то сала. На деревне мужиков с руками почти не осталось.

Вечером мы стали собираться домой. Нам собрали целую сумку продуктов.

– Это ещё что! – радовалась Ленка, закидывая в сумку трёхлитровую банку с молоком. – Весной Феликс грядки вскопает, посадим лучок, картошечку. Неужели я ребёнку всякую гадость буду в магазине покупать?

– Конечно, – поддакивала я, тайком отщипывая от тяжёлой буханки ещё горячего хлеба.

– Ну вот, – Ленка удовлетворённо погладила огромную сумку. – Неделю можете в магазин не ходить.

– Неделю? – присвистнул Никита. – Это мы месяц в магазин не будем ходить.

Он приподнял сумку.
 – Ого! Лен, там кирпичи что ли?
 – Неет, – протянула подруга, – там сало, молоко, яйца, хлеб, картошка.
 – А картошка-то зачем? Картошку мы и на рынке купим.
 – Так! – Ленка нахмурила брови, – ничего не покупаем теперь на рынке!!! Раз в месяц приезжаете к нам. Понятно?
 Спорить мы не стали. Запахнули в багажник все баулы, уселись сами и поехали.
 – Аня, так есть нельзя, – задумчиво сказал Крайнов, взглядывая в дорогу.
 – Ну, мы же редко так едим, – тоже задумчиво ответила я.
 Разговаривать не хотелось. На душе было спокойно, на сердце тепло.
 Москва встретила удивлённым осенним солнцем. Оно робко выглядывало из-за нависших косматых туч.
 – Домой? – Никита улыбнулся мне.
 – Конечно.
 – Давай, ещё раз заскочим в мастерскую. Я наброски заберу. Хочу завтра поработать.
 – Хорошо. И мне завтра на работу. Даже не верится, что у меня было столько выходных. Что-то мне готовит наш главный, даже подумать боюсь.
 Дверь в мастерскую оказалась открыта. Никита с удивлением посмотрел на ключ, повертел в замочной скважине. Потом осторожно открыл. Я двинулась было за ним, но он рукой притормозил меня.
 – Стой!
 Я остановилась. Крайнов включил фонарик на телефоне и вошёл в темноту.
 – Аня, иди сюда.
 При включенном свете в глаза бросился ужасный беспорядок. Все картины валялись на полу. Кладовка, которую мы так усердно закрывали, тоже зияла распахнутой дверью.
 – Что это?
 Никита нахмурился. Потом набрал номер.
 – Иван, приезжай. Я не знаю, что здесь происходит.
 Через полчаса в мастерской уже расхаживала наша доблестная полиция. В сотый раз расспрашивали, что-то фотографировали. Иван не отходил от Никиты. Я сидела на сломанном диванчике и страдала. У меня жутко разболелась голова. В сумочке, как назло, не было ни одной таблетки. Никита выглядел растерянным. Он подошёл ко мне. Присел на корточки.
 – Аня, я ничего не понимаю. Ни одной картины не пропало.
 – Ник, ну что-то же они искали.
 – Искали, – Крайнов обхватил себя за плечи, словно замёрз. Поёжился, потом шумно вздохнул.
 – Я хочу к тебе. Поедем?
 – Ну, куда ты поедешь? – подбежал Иван. – Аня, хоть ты ему объясни. Следователь ещё здесь. Ведутся работы.
 – Я устал, – Никита присел рядом со мной, своей ладонью накрыл мою руку.
 Я погладила его по голове. Как маленького.
 – Потерпи, скоро поедем домой
 Домой мы приехали за полночь. Митька выбежал из клетки. Я схватила его на руки.
 – Ну, как ты без нас? Еды-воды хватило?

Крыс смешно шевелил усами, принюхивался и пытался выбраться из рук. Я отложила ему корочку от чудесной буханки и устало плюхнулась в кресло. Никита подошёл к окну. Мы молчали. Я не знала, что сказать. Всего несколько часов назад у нас было чудесное настроенное. Мы так отдохнули в деревне, так душевно провели выходные, что даже в город не хотелось ехать. Сейчас настроения не было совсем. У меня перед глазами стояла мастерская. Раскиданные картины, перевёрнутый мольберт. Что искали? Или просто хотели навредить? За что? И кому помешал Ник?
 – Аня, – Никита по-прежнему смотрел в окно. – Я не знаю, кто и зачем это сделал.
 Я вздрогнула. Он что, читает мои мысли? Поднялась с кресла, подошла к Никите и обхватила его сзади руками. Положив голову на его плечо, я тихонько начала напевать.
 – У собачки боли, у кошки боли, у Никитки заживи.
 Мы долго-долго стояли у окна. Тревога понемногу отступала. Вдвоём нам ничего не страшно.
 Осень полностью завладела Москвой. Уже деревья не красовались разноцветным нарядом, а стыдливо прикрывали стволы голыми ветками. Лужи по утрам иногда схватывал мороз. Я, как в детстве, старалась наступить на тонкий лёд, почувствовать под каблуком его хруст и бежала к следующей замёрзшей луже. Как-то я даже обогнала двух мальчишек. Они тоже рванули к такой луже, но я двумя ногами прыгнула на лёд. С удовольствием услышала морозный хруст и ещё минут пять наблюдала, как из-под сапог стрелочками расходятся ледяные трещины. Мальчишки, раскрыв рот, смотрели на меня. Я показала им язык и помчалась на работу. Мой Крайнов уехал на неделю в Питер, и я безумно тосковала. Начальник снова загрузил меня работой. Сегодня целый день проторчала на выставке креативного скульптора. Мама дорогая! На чём сейчас делают себе имя! Скульптор, кстати, женщина. Я честно пыталась увидеть искусство в куче пластмассовых одноразовых стаканчиков, спаянных клеем «Момент» и гордо именуемых «Прёзами любви». Тут нужно очень сильно грезить, чтобы рассмотреть хоть какое-то чувство. Про использованные автомобильные крышки лучше вообще промолчу. Эти «лебеди», «павлины» и «попугаи» есть почти на каждой даче. Но на выставке им отвели очень большое место. Я честно выполнила задание. Взяла интервью, набросала в компе статью и со спокойной душой отправилась домой.
 А дома меня ждала мама!
 – Мамочка! – я обняла маму. Потом поцеловала в мягкую тёплую щеку. Мама стала почему-то меньше ростом, прибавилось морщинок возле глаз. Меня охватила такая жалость, что еле-еле смогла сдержать слёзы. Мы не виделись всего месяца. Хотя созваниваемся каждый день.
 – Мам, ну, почему ты не позвонила? Я хоть бы приготовила тебе что-нибудь вкусненькое.
 – Доча, – улыбнулась мама. – я уже сама тебе приготовила вкусненькое.

На плите стояла кастрюля с голубцами, которые я обожала в детстве.
 – Как я рада, что ты приехала, давай ужинать.
 – Аня, – мама опустила глаза, – тут это...
 – Что?
 – Я, кажется, прогнала твою крысу.
 – Мама! – я помчалась в зал. Клетка стояла пустая.
 – Доча, так откуда ж я знала, что крыса эта домашняя? Ты ж мне ничего про неё не рассказывала!
 – Митя, Митенька, кис-кис-кис, – я на четвереньках ползала по залу, заглядывала под диван, под кресло. А мама ходила сзади и рассказывала.
 – Я открыла дверь ключом, который ты мне оставила. Сразу пошла на кухню, стала мыть посуду, капусту разбирать на листы.
 Я продолжала ползать по квартире, а мама говорила, говорила.
 – Только я присела отдохнуть, вдруг прямо на меня идет здоровенная крыса! Ты не представляешь, как я испугалась! Схватила веник и пулынула им в крысу!
 Мама замолчала. Я поднялась с колен, села на диван. Мама присела рядом.
 – И только потом я увидела, что у тебя стоит клетка.
 Мама виновато вздохнула:
 – Ну, хоть бы ты меня предупредила.
 – Ладно, – я решительно встала с дивана, поправила покрывало, открыла пошире дверцу в Митькиной клетке.
 – Из дома он никуда не мог убежать. Придёт. А мы пойдём есть твои замечательные голубцы.
 Мама, как всегда, решила, что я голодаю. Она положила мне три здоровенных голубца, поставила целую миску деревенской сметаны, в которую ложка пролезала с трудом.
 – Мне не съесть столько.
 – Ешь! – скомандовала мама.
 Пару голубцов я осилила, но третий категорически отказалась есть.
 – Это же пытка едой, – смеялась я. – Давай лучше пить чай.
 А потом мы сидели с мамой обнявшись, я рассказывала ей про Никиту. Она слушала, изредка качала головой и поглаживала меня по руке.
 Неожиданно я почувствовала на своей ноге цепкие коготки. Митька!
 – Не шевелись, – прошептала я маме.
 Митька забрался по моей ноге на колени. Перелез к маме, прислушался, пошевелил розовыми ушами и улёгся, словно котёнок.
 – Доча, – прошептала мама. – а ты не могла купить крысу покрасивей? Уж больно она на наших, сарайных крыс похожа.
 Пришлось рассказать всю историю появления Митьки в моём доме.
 Через день мама уехала, а я пообещала приехать к ней с Никитой.
 – Митьку с собой бери, – кричала мама через автобусное окошко.
 Я махала рукой, пока автобус не скрылся из виду. В сумке зазвенел телефон.

Баня

* * *

Здесь топят бани по субботам,
Ввысь выются лёгкие дымки,
Как удовольствие работу
В день банный првят мужики.

От кухонь тянет хлебным квасом
И дозревают пироги.
Пес даст понять солидным басом,
Мол, не враги мы, не беги.

И взглянет чистыми глазами,
Не зная за собой вины,
Под голубыми небесами
Рыбак на берегу Двины.

Идешь, причастный тайнам места,
Не жизнь – сплошная пастораль.
Изобка светлою невестой,
Красуясь, смотрит в февраль.

Да полно, может быть, приснилось,
Какой-то позапрошлый век?!
Так приезжай, посмотришь, милай*
Чем жив в глубинке человек.

*милай – диалектная форма слова милый
Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

* * *

Шлеп да шлеп по голой тушке,
Скачет веник на спине.
Брешут римляне, подружки,
Дескать, истина в вине.
Дескать, легкостью душевной
И восторгом до небес
Нас полнит оно. Наверно.
Но вот благодати телес
Не сыскать на дне стакана,
Сколь усердно не ищи.
Правит баня все изъязыи
И... на заднице прыщи.

Светлана Большенкова,
г. Нелидово

* * *

Была общественная баня –
Гигиенический кордон
Для обнаженного народа;
И парикмахерский салон.
Сначала люди стригли патлы,
Потом недельную кору
С себя уверенно смывали
На теплом кафельном полу.
Затем, разбившись на подгруппы,
Шагали чистыми в буфет,
И между пивом и портвейном
Искали правильный ответ
На повседневные вопросы,
Определяли правды след,
За исключением дилеммы:
Нужна ли баня или нет?

В конце концов хозяин жизни,
Антагонист до чистых рыл
Нашёлся, вышел на подмостку
И баню всё-таки закрыл.
На месте бани крематорий
Теперь трубой своей дымит;
Гораздо выгодней не парить, –
Сжигать дотла – вот алгоритм
Всей суетливой этой жизни.

Юрий Назаров,
г. Осташков

* * *

И снова дым стоит столбом
при входе в банную светлицу,
где те же дружеские лица
сидят за дружеским столом.
Где во главе всегда Бан Баныч,
где правда голая за «жись»,
как жгучий пар, уходит ввысь
и оседает по стаканам.
Где единица влаги – литр,
где пьют, не напиваясь – мудро
и, где на следующее утро
глава с похмелья не болит.
Где те же доски, тот же жар,
где те же камни, те же тэны,
но каждый раз пивная пена
воспринимается как дар.
И так четверг за четвергом
мы ждем как манну, год за годом.
Мы земляки – из бани родом,
а баня нам, как чистый дом.

Александр Отливанчик,
г. Тверь

* * *

Много разных пожеланий
существует на Руси,
но одно: «Пошёл ты в баню», –
исключительный посыл.
Вызывает восхищенье
к брату ближнему любовь
с предложеньем очищенья
как телес, так и мозгов.
Значит, есть ещё возможность
уберечь его для нас!
Но одно понять мне сложно:
а при чём тут медный таз?

Петр Бобунов,
г. Нелидово

* * *

Там, где банька топилась по-чёрному,
К ней тропинка давно заросла.
Нет и баньки, нет смеха задорного,
Да и печка вся в землю вросла.
Опустела земля наша русская.
Всё полынь да крапива кругом,
Да и речь на ней часто нерусская –
Для земли своей стали врагом.
А ведь раньше по травке, по мякониной,
Босиком по росе – на косьбу...
А роса та из капельки махонькой
Превратилась в скую слезу.
Да, крестьянская ноша нелёгкая,
Почему же тогда по ночам,

Не Москва, а отавушка колкая
Снится, снится и видится нам.
Эх, вернуть бы ту «долю проклятую»! –
Да и в баньку, да пар чтоб с кваском!
Сгнила банька. Ищи виноватого.
Глянь, вон, в зеркало, будь мужиком.

Сергей Осипов
г. Торонец

* * *

Тело разомлело
Расцвела душа.
Банька в огороде,
Как ты хороша!
На полке лежу я,
Любит тело жар.
А по мне гуляет
Развесёлый пар.
По щеке погладит,
По спине пройдёт.
От меня уходит,
К потолку плывёт.
Веничек дубовый
Хлещет по плечам.
Слышу голос нежный:
«Хочешь, я поддам?»
Грусть-печаль смывая,
Обольюсь водой,
Словно молодая
Побегу домой.
После баньки доброй
Пью душистый чай.
Рядом муж и дети –
Вот что значит рай!

Нина Рябова,
г. Торонец

Банное

Солнца луч закатный и усталый,
Проходя сквозь пыльное стекло,
Золотит окалину металла,
Молча отдающего тепло.
Кран в углу фырчит себе надменно,
Шумно гонит пенную струю.
Тазик атрибутом непрременным
Важно взгромоздился на скамью.
Мысли бродят пончиком на масле,
Сонно и лениво по теплу.
Утихают давешние страсти,
Влагой оседая на полу.
Пар взмывает с яростным шипеньем
Под шершавый низкий потолок.
Совершив неспешно омовенье,
Снова забираюсь на полоч.
Языком ленивым и усталым
Лижет веник – старый верный пёс.
Кажется, я снова в райских травах,
Никогда не знавших горьких слёз.

Михаил Иванов,
п. Пено

